

“Тёмный век” сарматской истории (к проблеме выделения комплексов III в. до н.э. в прохоровской АК)

В течение последнего десятилетия наметилась тенденция к ревизии хронологии раннесарматской (прохоровской) АК. Сначала С.В. Полин и А.В. Симоненко [Полин, 1987; Он же, 1992; Полин, Симоненко, 1990; Симоненко, 1993], а за ними В.Ю. Зуев [Зуев, 1998; Он же, 1999; Он же, 2000; Он же, 2002] предложили считать прохоровскую АК IV-II вв. до н.э. явлением дискретным. Для этого использованы следующие аргументы:

- аргумент импортов – в раннесарматских погребениях отсутствуют античные импортные изделия III в. до н.э.
- аргумент Прохоровки – авторы гипотезы предположили, что эталонные для выделения раннесарматских древностей IV-нач. III вв. до н.э. курганы 1-4 у с. Прохоровка относятся к разным хронологическим группам: курганы 1 и 2 ко II-I вв. до н.э., а курганы 3 и 4 – к V-IV вв. При этом обращается внимание на то, что в к.1 у с. Прохоровка обнаружены две серебряные ахеменидские чаши с арамейскими надписями. По наблюдениям В.А. Лившица палеографические особенности надписи характерны для документов на арамейском языке, датированных II-I вв. до н.э. [Лившиц, 2001]

Действительно, и в сфере торгово-политической активности античных центров (Украина, Дон, Кубань), и тем более в удалённых от неё степях Заповжья и Урала античный керамический импорт III в. до н.э. отсутствует. Зато представлены импортные изделия IV и II-первой пол. I вв. до н.э. Соответственно, хорошо выделяются и раннесарматские комплексы этого времени.

Мы можем точно сказать, что для комплекса хронологических индикаторов прохоровской АК IV в до н.э. характерны длинные массивные мечи с дуговидным или прямым навершием и дуговидным же либо тупоугольным перекрестием, а также более лёгкие мечи “синдо-меотского” типа, наборы бронзовых втульчатых трёхлопастных либо трёхгранных наконечников стрел с потайной втулкой. Типичны круглодонные горшки с примесью талька в тесте, золотые или бронзовые, обложенные золотым листом гривны в полтора-два оборота, железные несомкнутые ручные браслеты. В женских погребениях встречаются бронзовые дисковидные зеркала нескольких типов: кованые плоские с массивной боковой ручкой; с проковкой по центру диска, невысоким валиком по краю и массивной подпрямоугольной ручкой и, наконец, литые с валиком по краю диска, несколькими concentрическими рельефными валиками в поле диска и небольшой выпуклиной в центре (вероятно, местный дериват импортных “музыкальных” зеркал, прототип “бактрийских” зеркал типа Хазанов-VIII [Хазанов, 1963]).

Для комплексов II – первой пол. I вв. до н.э. обычны мечи и кинжалы с узким прямым перекрестием и серповидным, антенновидным либо кольцевидным навершием, литые бронзовые зеркала с валиком по краю плоского диска и, обычно, подтреугольным штырём для крепления рукояти, черноло-

шенная керамика, орнаментированная т.н. “полотенцами”. Встречаются небольшие трехлопастные черешковые железные наконечники стрел, бронзовые и железные пряжки с кольцевидной либо восьмёрковидной рамкой и неподвижным боковым крючком либо шипом. В Поволжье и Приуралья могут встречаться широкие костяные навершия гребней с головками коней либо птиц на концах, т.н. “молоточки” из талька, костяные проколки с отверстием в головке.

Датировка комплексов IV в. до н.э. основана на находках амфор этого времени на Дону, Кубани и, в последнее время, на Урале. Она подкрепляется временем бытования некоторых типов античных бус и ахеменидских изделий [Берлизов, 2001]. Погребения II – первой пол. I датируются античными сосудами, латенскими импортами ступеней C2 – D1, датированными аналогиями из памятников меотской, зарубинецкой, поянешти-лукашевской АК [Там же].

По мнению С.В. Полина, А.В. Симоненко и В.Ю. Зуева позднепрохоровский комплекс генетически не связан с раннепрохоровским.

Вместе с тем, А.В. Лукашовым, автором данной статьи и В.М. Клепиковым независимо друг от друга был выявлен пласт древностей, носящий явно переходный характер между раннесарматскими комплексами IV в. до н.э. и II в. до н.э. [Лукашов, 1986; Берлизов, 1994; Он же, 1998; Он же, 2001; Клепиков, 2000; Он же, 2000а; Клепиков, 2002]. Этот пласт объединяет группу подкурганых погребений Заволжья-Приуралья в курганах-кладбищах. В них мужские погребения содержат наряду с мечами с серповидными либо прямыми навершиями и прямыми перекрестиями наборы наконечников стрел, в которых сочетаются бронзовые втульчатые и железные черешковые трёхгранные экземпляры. Для женских характерны бронзовые литые зеркала с валиком по краю диска и массивной боковой металлической ручкой. Обратная сторона диска может быть плоской, либо выпуклой в центре. Керамический комплекс включает местные горшки с высоким “гофрированным” горлом, сосуды типа A113 по А.С. Скрипкину [Скрипкин, 1990, Таб.10, 21-23] и красноглиняную кружальную керамику из Средней Азии. Как и в комплексах II-I вв. до н.э. в них отмечены восьмёрковидные бронзовые пряжки с боковым крючком, костяные проколки, “молоточки”, железные трёхлопастные черешковые наконечники стрел. В корреляционных колонках такие комплексы образуют устойчивую группу, располагающуюся между погребениями IV в. до н.э. с одной стороны и II в. до н.э. с другой. На этом основании сторонники традиционной схемы развития сарматских древностей и относят данную группу к III в. до н.э. Ничего необычного в этом нет. Напомню, что подобным образом, располагая лишь двумя конечными датами, П. Рейнке датировал несколько фаз гальштаттской АК, и в настоящее время предложенные им для каждой фазы Гальштатта абсолютные даты полностью подтвердились. Но поборников “новой прохоровской хронологии” такое положение в отношении даже одной фазы не устраивает: им просто необходимы узко датированные комплексы III в. до н.э.. Попытки абсолютного датирования комплексов III в. до н.э. были предприняты В.Н. Васильевым и В.К. Фёдоровым [Васильев, 2001; Фёдоров, 2001]. Однако они использовали метод “зажатых

дат”, не подкреплённый датированными импортами, что вызвало новые критические замечания В.Ю. Зуева [Зуев, 2002, С.197].

Напомню, что корреляция предметов, имевших сравнительно недолгий период бытования, из сарматских погребений Заволжья и Приуралья позволила мне выделить группу комплексов, “зажатых” между погребениями IV и II вв. до н.э. [Берлизов, 1998, Табл. II, IIб, III, IIIб]. Их я отнёс к III в. до н.э. В их число, в частности, вошли погребения кластеров B1-B2b уральской шкалы из могильников Челкар III (к.6), Мечет Сай (к.2 п.4-5, к. 7 и 8), Новый Кумак (к.13 и 21 1971), Увак (к.2 и 11), Джангала (к.3 п.2), Прохоровка (к.1-3), Старые Киишки (к.9, 11, 13 и 20) и Бишунгарово (к.1 и 11). Публикация нового материала позволяет включить в эту же группу некоторые погребения к.2 могильника Ново-Калкашево, к.6 могильника Покровка 1, к.23 могильника Покровка 2 и к.9 могильника Покровка 7.

В настоящее время часть погребений, вошедших в данные кластеры, может быть узко датирована.

Основное погребение 5 кургана 8 могильника Мечет Сай [Смирнов, 1975, С.131-143, Рис.31(окончание), 6.7.12] содержит полихромную бусину с личинами типа Алексеева-459 конца IV в. до н.э. [Алексеева, 1982, С. 41], глазчатую бусину Алексеева-18 IV-III вв. до н.э. [Её же, 1975, С. 58] и две бусины с перистым орнаментом типа Алексеева-260 III-II вв. до н.э. [Её же, 1978, С. 48]. Данный гарнитур мог сложиться именно в пределах III в. до н.э., скорее – его начала, судя по находке бусины с личинами.

Соответственно, не ранее III в. до н.э. могли быть совершены впущенные в тот же курган пп.1-4. При этом дата как минимум двух из них (п.1 и п.2) не может выходить за пределы данного столетия. В них сочетаются стеклянные одноцветные бусы типа 193д IV-III вв. до н.э. и бусы с внутренней позолотой типа 1а III в. до н.э. – III в.н.э. [Алексеева, 1978, С. 28, 74]. Вероятнее же всего, весь комплекс Мечетсайского кургана 8 относится к “тёмному” веку.

Набор украшений из к.7 п.8 этого же могильника [Смирнов, 1975, Рис.31, 10-12] включал стеклянные одноцветные бусы типов Алексеева 164 IV-III вв. до н.э. и Алексеева-171 III в. до н.э. – IV в.н.э. [Алексеева, 1978, С. 72-73]. Они могли попасть в один комплекс также именно в III в. до н.э.

В п. 10 этого же кургана набор из четырёх бронзовых втульчатых наконечников стрел, нехарактерных, по мнению оппонентов традиционной хронологии прохоровской АК для комплексов II-I вв. до н.э., сочетается с одноцветной стеклянной бусиной упомянутого выше типа 171, появившегося только в III в. до н.э. [Смирнов, 1975, Рис.31, 14; 37, 9].

Близка ситуация прослежена в Мечетсайском к.6 п. 2б [Смирнов, 1975, Рис.31, 6; 47, 7]: здесь набор из 6 бронзовых втульчатых наконечников стрел найден вместе со стеклянным бисером типа 16б, появившимся только с III в. до н.э. [Алексеева, 1978, С. 72]. Оба комплекса можно отнести к “тёмному” столетию.

Стеклянная одноцветная бусина типа 164 IV-III вв. до н.э. и гагатовые бусы типа 27а III в. до н.э. – III в.н.э. [Ук. раб., С. 14, 72] находились в к.2 п.7

могильника Бишунгарово [Пшеничнюк, 1983, С. 23, Табл. XII], датируя его III в. до н.э.

В к.3 п.6 этого же могильника набор бронзовых втульчатых наконечников стрел сочетается с просверленной веточкой коралла Алексеева-9 [Алексеева, 1982, С.30]. Бусы из коралла типа Алексеева-9 появляются не ранее III в. до н.э., наборы бронзовых наконечников стрел после этого столетия не использовались, о чём уже говорилось выше.

Аналогично можно датировать п.9 из этого же кургана. В нём бронзовый наконечник стрелы встречен вместе с набором бус из гагата типа Алексеева-27а, также появившихся не ранее III в. до н.э. [Алексеева, 1978, С. 14-15].

Погребение 3 в бишунгаровском к.5 [Пшеничнюк, 1983, С. 23, Табл. XII] также может быть отнесено к III в. до н.э.. В нём совместно встречены коралловые подвески типа Алексеева-9 III-II вв. до н.э и красноглиняный хорезмийский кувшин, аналогичный находкам из нижнего слоя городища Кой-Крылган-Кала IV-III вв. до н.э. [Кой-Крылган-Кала, 1967, Табл. II, 35, 41].

Аналогична датировка бишунгаровского п.1 к.11 [Пшеничнюк, 1983, С.28, Табл. XVIII]. Здесь гагатовый бисер типа Алексеева-27а III в. до н.э. – III в. н.э. встречен с красноглиняным кувшином (хумчой) с узким горлом, приземистым туловом и широким дном. Аналогичные сосуды характерны для чирик-рабадской АК, её I-II слоёв, датируемых в пределах IV-первой пол. III вв. до н.э. [Вайнберг, Левина, 1992, С.55, 57, Табл.12, 36, 80].

Красноангобированная хумча, близкая экземпляру из предыдущего комплекса, найдена в к. 23 п. 2 могильника Покровка 2 [Яблонский и др., 1994, С. 45-46, рис.88, 1]. С ней, если верить иллюстрации [Ук. раб., рис.88, 1], найден гагатовый рубленый бисер типа Алексеева-27а. Соответственно, и датировка комплекса должна совпадать с датировкой бишунгаровского к.11 п. 1 – III в. до н.э..

Интересен набор из к.23 п.5 могильника Покровка 2 [Там же, Рис.89]. В нём сочетаются полихромные бусы типов Алексеева-276б IV-III вв. до н.э. и 190б III-I вв. до н.э. [Алексеева, 1978, С.43, 49, Рис.14]. И в данном случае дата погребения ложится в пределы III в. до н.э.

В коллективном п. 10 из этого же кургана с полихромными бусами типов Алексеева 54в, 76, 77 и 276б и одноцветных типа 193д, датируемых в пределах V-IV, IV и IV-III вв. до н.э., встречены глазчатые бусы типа Алексеева-74 III-II вв. до н.э. [Алексеева, 1975, С. 67; Её же, 1978, С. 49, 74]. Поэтому часть погребений в данной могиле также может быть отнесена к III в. до н.э.

В соседнем могильнике Покровка 7 набор бус из к.9 п.5 [Яблонский и др., 1996, С.35-36 рис. 50, 6] содержит экземпляры из гагата типа 27а III в. до н.э. – III в. н. э. и одноцветного стекла типа 28 IV-III вв. до н.э. [Алексеева, 1978, С.65, таб. 33:4]. Погребение относится к III в. до н.э.

Аналогичное сочетание наблюдается в к.6 п.1 могильника Покровка 1 [Яблонский и др., 1995, С. 15 рис.18,1]. Комплексы относятся к III в. до н.э.

Основное п.1 к. 1 из Покровки 7 [Яблонский и др., 1996, С.21-23, рис. 26, 27] можно датировать по сочетанию костяного фигурного навершия гребня, типичного для прохоровских комплексов III-I вв. до н.э. [Скрипкин, 1990, С.169, Рис.37, 36-44] и красноглиняного хорезмийского кувшина, аналогичного находкам из нижнего слоя Кой-Крылган-Калы, датируемого IV-III вв. до н.э. [Кой-Крылган-Кала, 1967, Табл. II, 41]. Даже если вслед за В.Ю. Зуевым попытаться поднять нижнюю дату позднепрохоровских древностей, к которым относится навершие гребня, до II в. до н.э., оказаться в одном комплексе с кувшином он мог не позднее рубежа III-II вв. до н.э.

Погребение 1 к.6 могильника Челкар III [Мошкова, Кушаев, 1973, С.264-265, Рис.4,5, 10] датируется набором бус, включавшем полихромные типов 146 и 276б и одноцветные типов 113 и 193д IV-III вв. до н.э. и появившимися только в III в. до н.э. полихромными бусами Алексеева-192а [Алексеева, 1978, С. 43].

В к.2 п.3 могильника Ново-Калкашево [Акбулатов, 1998, С. 121-122] сочетаются весьма архаичные фаянсовые бусы типов 2 и 5, характерные для VI-V вв до н.э. с гагатовыми типа 27а и стеклянными позолоченными типа 1, появившимися только в III в. до н.э. [Алексеева, 1975, С. 31; Её же, 1978, С. 14, 29]. Такой набор мог сложиться скорее всего именно в III в. до н.э.

Погребение 7 кургана 20 могильника Старые Киишки интересно сочетанием полихромной стеклянной бусины типа Алексеева-356 II-I вв. до н.э. [Алексеева, 1978, С.54] и красноглиняной хорезмийской фляги с рельефом на выпуклой стороне [Садыкова, 1962, С.112, 114, Рис. XII, 6, 7]. Фляги с рельефным орнаментом вышли из употребления к концу раннекангюйского периода (IV-III вв. до н.э.) [Ягодин, Никитин, Кошеленко, 1985, С.329]. Следовательно, данный комплекс мог сложиться в самом конце III или начале II вв. до н.э. Погребение 7 было впускным в кургане и, следовательно, впущенные ранее основное погребение 10 и впущенные рядом с ним погребения 8 и 9 должны были быть совершены в III в. до н.э.

В этом же могильнике к. XI п.3 [Садыкова, 1962, С.91] содержит красноангобированную хумчу [Там же, Таб. II, 9], аналогичную экземплярам IV-III вв. до н.э. из Покровки, и гагатовые бусы типа Алексеева-27а [Таб. II, 11-13] III-I вв. до н.э. Комплекс мог сложиться только в III в. до н.э.

Наборами бус III в. до н.э. датируются некоторые погребения междуречья Узеней. Так в к.3 п.3 могильника Мошков [Клепиков, 2002, Рис.31, 18, 28] сочетаются одноцветные стеклянные бусы типов Алексеева-193д IV-III вв. до н.э. и Алексеева-111 III-I вв. до н.э. [Алексеева, 1978, С. 69, 74].

Разрушенное погребение 3 из к.2 могильника Джангала II [Синицын, 1956, С.113, Таб. VII, 1-2] содержало хрустальную дольчатую бусину типа 15б III-I вв. до н.э. и две стеклянные одноцветные типа 164 IV-III вв. до н.э. [Алексеева, 1978, С. 72; Её же, 1982, С. 72]. Комплекс относится к III в. до н.э.

Таким образом, из комплексов "переходного" от IV ко II вв. до н.э. типа в Приуралье примерно 20-25, узко датируются в пределах III в. до

н.э. Они позволяют датировать остальные погребения, попавшие в соответствующие кластеры, тем же временем.

В Заволжье погребения с набором хронологических индикаторов, “зависающих” между IV и II вв. до н.э., выделились в кластер В2 мужской шкалы и кластер В1 женской. Здесь мы располагаем комплексами, фиксирующими начало и финал формирования группы.

Начальная дата устанавливается в могильнике Лятошинка к.5 п.10, где в наборе бус костяка 2 [Железчиков, Фалалеев, 1995, С.35-37, Рис.16] сочетаются стеклянные одноцветные бусы типов Алексеева-193д IV-III вв. до н.э. и Алексеева-111 III-I вв. до н.э. [Алексеева, 1978, С. 69, 74].

Верхнюю дату дают п.19 кургана 12 у с. Политотдельское с инвентарием кон. III - нач. II вв. до н.э. [Смирнов, 1959, С.268-272, Рис.24_{4,5}; 25] и к.3 п.9 этого же могильника, в котором коралловая подвеска типа Алексеева-9 III-II вв. до н.э. сочетается с бронзовым кованым дисковидным зеркалом с загнутым бортиком и позолоченной оборотной стороной диска [Там же. Рис. 13, 8. 10], характерным для меотских погребений II в. до н.э. [Берлизов, 1999, Табл.2].

В регионе имеются и другие комплексы, относящиеся к “тёмному” столетию.

Детское погребение 3 к.2 могильника Верхнее Погромное 1 [Шилов, 1975, Рис.39] датируется III в. до н.э. по сочетанию уже знакомых нам гагатовых бус III – I вв. до н.э. типа Алексеева 27а и полихромной стеклянной типа Алексеева-276б IV-III вв. до н.э.

В п.40 к.8 Калиновского могильника [Шилов, 1959, С.353-354, Табл.3] встречены дисковидные гагатовые бусы (Алексеева-27а) вместе со стеклянной зелёной пирамидальной (Алексеева-112). Как указывалось выше, гагатовые бусы указанного типа в III в. до н.э. только появились, а стеклянные пирамидки не использовались после окончания этого столетия [Алексеева, 1978, С.69].

Итак, к южноуральской группе сарматских погребений, узко датировемых III в. до н.э. можно присоединить несколько меньшую заволжскую.

Подтверждением гипотезы о сложении позднепрохоровского культурного комплекса уже в III в. до н.э. могут служить две находки с Кубани. Обе они обнаружены в памятнике меотской АК, абсолютная хронология которой, как минимум с IV в. до н.э., надёжно подкрепляется античным импортом. При этом в меотской АК уверенно выделяются погребения III в. до н.э. В особенно выигрышном положении находится памятник, о котором пойдёт речь ниже – Елизаветинский I могильник. Значительная часть комплексов IV-II вв. до н.э. здесь датирована античной керамикой, в том числе – амфорами, и монетами.

В погребениях 2 1934 г. и 18 1931 г. открыты мечи с типичными для позднего этапа прохоровской АК (т.е. не ранее чем для II в. до н.э. по С.В. Полину - В.Ю. Зуеву) серповидными навершиями [Анфимов, 1955, С.48; Смирнов, 1980]. При этом оба комплекса датированы III в. до н.э. по набору

характерных для меотской АК хронологических индикаторов этого времени. Меч из погребения 18/1931 имел серповидное навершие и прямое перекрестие; его длина составляет 116 см, ширина клинка – 5 см. Меч в п.2/1934 имеет длину 63 см и относится к серии дериватов сарматского оружия с серповидным навершием без металлического навершия. Его датировка подкрепляется пантикапейской монетой и амфорой III в. до н.э. [Смирнов, 1980]. Таким образом, существование одной из составляющих позднепрохоровского набора хронологических индикаторов фиксируется в независимой от сарматской хронологии меотской АК именно для III в. до н.э.

К “тёмному” веку, вернее к его середине – второй половине, можно отнести также п.3 кургана 2 у ст. Старомышастовской [Марченко, 1996, Рис.91], в котором архаичное зеркало с точечным умбоном, тонкими concentрическими валиками и массивной плоской боковой ручкой, аналогичное находкам из Покровки II 23/5; Челкара III 6/1; Мечет Сая 8/4, сочетается с инвентарем типа III по М.Парович-Пешикан III – нач. II вв. до н.э. [Парович-Пешикан, 1974, 110].

Три погребения (6, 14 и 15) савроматского кургана-кладбища №3 у ст. Михайловской, отнесённого нами к IV в. до н.э. на основе аналогий в керамическом наборе датированным меотским материалам, содержали сильно профилированные сероглиняные миски [Берлизов, Каминская, Каминский, 1995, Табл.2; Табл.4а₃₄, 35], характерные для среднемеотского этапа меотской АК, датируемого III – первой пол. I вв. до н.э. [Берлизов, 1999, С.6, Табл.1, XII 83; Каменецкий, 1989, С.239-24, Табл. 96₁₂]. Следовательно, эти комплексы могли сложиться уже в III в. до н.э., возможно, – в начале.

Вызывает сомнение и отнесение ко II-I вв. до н.э. курганов 1 и 2 Прохоровского могильника. Согласно проведённому В.Ю. Зуевым уточнению наборов инвентаря из этих комплексов, курганы 2, 3 и 4 содержали одинаковые дисковидные зеркала с плоскими массивными боковыми ручками и проковкой в центре диска, не встречающиеся в погребениях II-I вв. до н.э. [Зуев, 1998, Рис. 3Б, 6; 4Б, 7; 5Б, 5]. При этом в к. 2 обнаружена плоская стеклянная бусина с крестово-глазчатым орнаментом [Ibid., Рис. 3Б, 2]. Подобные плакетки отсутствуют в античных городах Причерноморья, зато фиксируются в погребениях уральских прохоровцев IV в. до н.э. [Мошкова, 1962, Рис. 8, 4; Пшеничнюк, 1983, Табл. XLI, 4]. Странно, что к.2 кажется оппонентам традиционной датировки прохоровских древностей оторванным от якобы более ранних к. 3 и 4. Судя по плану, приведённому в первичной публикации могильника, расстояния от к. 3 до “синхронного” к.4 и “позднего” к.2 абсолютно одинаковы [Ростовцев, 1918, Рис.2].

Использование данных смежных наук, как правило, вызывает у нас священный трепет и потому выводы, подкреплённые ссылкой на данные антропологов, почвоведов, лингвистов обсуждению археологов подвергаются редко. Таким ultima ratio служит В.Ю. Зуеву заключение В.А. Лифшица о поздней датировке надписи на блюде из к. 1 у с. Прохоровка [Лифшиц, 2001]. Осмелюсь всё-таки усомниться. Известно, что надпись выполнена с применением арамейского алфавита, использовавшегося ещё в Империи Ахемени-

дов, а позднее – в государствах возникших на его территории. При этом особенности начертания буквы “алеф” на блюде из Прохоровки позволили ещё П.К. Коковцеву считать надпись раннепарфянской [Коковцев, 1918]. Однако, реально судить и о времени возникновения такого начертания “алефа”, и о времени появления грамматической формы “tšty” для обозначения слова “чаша” в именительном падеже нельзя. По словам самого эксперта, мы предполагаем парфянскими текстами, начиная с середины II в. до н.э. [Лившица, 2001, С.164]. О более ранних памятниках парфянского письма судят лишь по легенде на монете Андрагора кон. III в. до н.э. [Ibid.]. Т.е. в палеографии парфянского и среднеазиатских языков существует такая же “проблема III в. до н.э.”, как и у археологов-сарматчиков. Какими были знаки армаейского письма и грамматические формы парфянского языка в Средней Азии с последней трети IV по начало II вв. до н.э., мы не знаем.

Отмечу также, что работа В.А. Лившица основана на двух больших допущениях. Во-первых, предполагается безукоризненная грамотность автора надписи и полное знание им норм парфянского языка, что в реальности вовсе не обязательно. Во-вторых, допускается собственно парфянский язык надписи, хотя арамейским письмом пользовались до походов Александра по всей Персии, в том числе и в Хорезме, откуда происходит большинство аналогий среднеазиатским импортным сарматским погребениям. Поэтому язык надписи может быть и не парфянским, а близким ему иранским языком одного из народов эллинистической Средней Азии.

В любом случае, *в данном случае оправдано не датирование комплекса прохоровского к.1 по палеографическим особенностям, а наоборот, датирование надписи по основному составу комплекса.* Он по своему составу мало отличается от наборов инвентаря из курганов 2 и 3 кон. IV – нач. III вв. до н.э. Вполне *возможно, что надпись на блюде из к.1 у с. Прохоровка является как раз древнейшим памятником т.н. парфянского письма эпохи его оформления.* До тех пор, пока наука не будет располагать корпусом надписей из Средней Азии (причём не только рукописных, но и на металле) кон. IV – III вв. до н.э., датирование надписи из Прохоровки по рукописным аналогиям II-I вв. до н.э. будет напоминать поведение героя анекдота, потерявшего на тёмной улице пятак, и искавшего его только под фонарём, “где светлее”. Этому же герою напоминают авторы “новой хронологии прохоровской культуры”.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акбулатов И.М., 1998 Ново-Калкашский II курганный могильник на р. Стерля // Уфимский археологический вестник. Вып.1. – Уфа.
2. Алексеева Е.М., 1975 Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-12. Ч.1.
3. Алексеева Е.М., 1978 Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-12. Ч.2.
4. Алексеева Е.М., 1982 Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-12. Ч.3.

5. Анфимов Н.В., 1955 Археологические разведки по Среднему Прикубанью // КСИИМК. № 60.
6. Берлизов Н.Е., 1994 Хронология и хронография сарматской культуры // Проблемы истории и культуры сарматов. Материалы II международной конференции "Проблемы сарматской археологии и истории". – Волгоград.
7. Берлизов Н.Е., 1998 Относительная хронология Азиатской Сарматии VII в. до н.э. – IV в.н.э. // ИАА. Вып.4. Армавир-М.
8. Берлизов Н.Е., 1999 О периодизации меотской культуры Прикубанья // Региональные исследования по отечественной истории и культуре. Вып.1. Краснодар.
9. Берлизов Н.Е., 2001 К проблеме относительной и абсолютной хронологии прохоровской культуры // Региональные исследования по отечественной истории и культуре. Вып.2. – Краснодар.
10. Берлизов Н.Е., Каминская И.В., Каминский В.Н., 1995 Сарматские памятники Восточного Закубанья: хронология и хронография // ИАА. Вып.1.
11. Вайнберг Б.И., Левина Л.М., 1992 Чирикрабадская культура в низовьях Сырдарьи // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР.
12. Васильев В.И. 2001 К хронологии раннепрохоровского клинкового оружия и "проблеме" III в. до н.э. // Материалы по археологии Волго-донских степей. Вып.1. – Волгоград.
13. Железчиков Б.Ф., Фалалеев А.В., 1995 Раскопки у с. Лятошинка // Археолого-этнографические исследования в Волгоградской области. – Волгоград.
14. Зуев В.Ю., 1998 Раннесарматская культура IV-III вв. до н.э. Статистический феномен и археологическая реальность. – СПб.
15. Зуев В.Ю., 1999 Прохоровские курганы в Южном Приуралье и проблема хронологии раннесарматской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб.
16. Зуев В.Ю., 2000 Основные проблемы хронологии "раннесарматской" культуры // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции "Проблемы сарматской археологии и истории". Вып.1. – Самара.
17. Зуев В.Ю., 2002 Несколько заметок по ходу сарматской дискуссии // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища. Материалы международной конференции. Ч. 2. – СПб.
18. Каменецкий И.С., 1989 Меоты и другие племена Северо-Западного Кавказа в VII в. до н.э. – III в.н.э. // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. – М.
19. Клепиков В.М., 2000 Памятники III в. до н.э. в Нижнем Поволжье // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции "Проблемы сарматской археологии и истории". Вып.1. – Самара.
20. Клепиков В.М., 2000а К проблеме выделения сарматских памятников III в. до н.э. // Нижневолжский археологический вестник. Вып.3. – Волгоград.

21. Клепиков В.М., 2002 Сарматы Нижнего Поволжья в IV-III вв. до н.э. - Волгоград.
22. Кой-Крылган-Кала, 1967 Кой-Крылган-Кала – памятник культуры древнего Хорезма IV в до н.э. – IV в. н.э. // ТХАЭЭ. Вып. V.
23. Лившиц В.А., 2001 О датировке надписей на серебряных сосудах из кургана I у деревни Прохоровка // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Материалы международной конференции. Ч. 2. – СПб.
24. Лукашов А.В., 1986 К вопросу о миграции прохоровских племён Южного Приуралья в Нижнее Поволжье // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. – Саратов.
25. Марченко И.И., 1996 Сираки Кубани – Краснодар.
26. Мошкова М.Г., Кушаев Г.В., 1973 Сарматские памятники Западного Казахстана // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М.
27. Полин С.В., 1987 Хронология раннесарматской прохоровской культуры // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. – Киев.
28. Парович-Пешикан М., 1974 Некрополь Ольвии эллинистического времени – Киев.
29. Полин С.В., 1992 От Скифии к Сарматии. – Киев.
30. Полин С.В., Симоненко А.В., 1990 “Раннесарматские” погребения Северного Причерноморья // Исследования по археологии Поднепровья. Днепропетровск.
31. Пшеничнюк А.Х., 1983 Культура ранних кочевников Южного Урала. М.
32. Садыкова М.Х., 1962 Сарматский курганный могильник у дер. Старые Кишки // АЭБ. Т.1.
33. Симоненко А.В., 1993 Сарматы Таврии. – Киев.
34. Сеницын И.В., 1956 Археологические исследования в Западном Казахстане // Тр. ИИАЭ АН КазССР. Т.1. – Алма-Ата.
35. Скрипкин А.С., 1990 Азиатская Сарматия: проблемы хронологии и её исторический аспект. – Саратов.
36. Смирнов К.Ф., 1975 Сарматы на Илеке. – М.
37. Смирнов К.Ф., 1980 О мечях и кинжалах синдо-меотского типа // КСИА. №162.
38. Фёдоров В.К., 2001 Клинковое оружие и колчаные наборы IV-III вв. до н.э. (о времени появления на Южном Урале мечей и кинжалов прохоровского типа) // Материалы по археологии Волго-донских степей. Вып.1. - Волгоград.
39. Хазанов А.М., 1963 Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. № 4.
40. Яблонский Л.Т., Трунаева Т.Н., Веддер Дж., Дэвис-Кимболл Дж., Егоров В.Л., 1994 Раскопки курганных могильников Покровка I и Покровка II в 1993 году // Курганы левобережного Илека. Вып.1. – М.

41. Яблонский Л.Т., Дэвис-Кимболл Дж., Демиденко Ю.В., Малашев В.Ю., 1996 Раскопки курганных могильников Покровка 1, 2, 7 и 10 в 1995 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 4. – М.
42. Ягодин В.Н., Никитин А.Б., Кошеленко Г.А., 1985 Хорезм // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. – М.

ПОДРИСУНОЧНЫЕ ПОДПИСИ

Рис.1. Комплексы III в. до н.э. на Южном Урале.

1. Мечет-Сай к.8 п.5; 2. Мечет-Сай к.8 п.2-4; 3. Мечет-Сай к.8 п.3; 4. Мечет-Сай к.7 п.10; 5. Мечет-Сай к.6 п.2б; 6. Мечет-Сай к.7 п.8; 7. Бишунгарово к.2 п.7; Бишунгарово к.5 п.3; 9. Бишунгарово к.3 п.6; 10. Бишунгарово к.3 п.9 (1-6 по К.Ф. Смирнову; 7-10 по А.Х. Пшеничнюку)

Рис.2. Комплексы III в. до н.э. на Южном Урале.

1. Бишунгарово к.1 п.11; 2. Челкар III к.6 п.1; 3. Ново-Калкашево к.2 п.3; 4. Покровка II к.23 п.2; 5. Покровка II к.23 п.5 (1 по А.Х. Пшеничнюку; 2 по М.Г. Мошковой и Г.В. Кушаеву; 3 по И.М. Акбулатову; 4-5 по Л.Т. Яблонскому).

Рис.3. Комплексы III в. до н.э. на Южном Урале.

1. Покровка VII к.9 п.5; 2. Покровка I к.6 п.1; 3. Старые Киишки к. XX п.8 (1-2 по Л.Т. Яблонскому; 3 по М.Х. Садыковой).

Рис.4. Комплексы III в. до н.э. на Южном Урале и в Заволжье.

1. Старые Киишки к. XX п.7; 2. Старые Киишки к. XI п.3; 3. Мошков к.3 п.3; 4. Лятошинка к.5 п.10; 5. Джангала II к.2 п.3 (1-2 по М.Х. Садыковой; 3 по В.М. Клепикову; 4 по Б.Ф. Железчикову и А.В. Фалалееву; 5 по А.В. Синицыну).

Рис.5. Комплексы III в. до н.э. в Заволжье и на Кубани.

1. Политотдельское к.12 п.19; 2. Калиновка к.8 п.40; 3. Верхнее Погромное I к.5 п.3; 4. Михайловская к.3 п.15; 5. Старомышастовская к.2 п.3 (1 по К.Ф. Смирнову; 2-3 по В.П. Шилову; 4 по Н.Е. Берлизову, В.Н. Каминскому и И.В. Каминской; 5 по И.И. Марченко).

FIG. 1

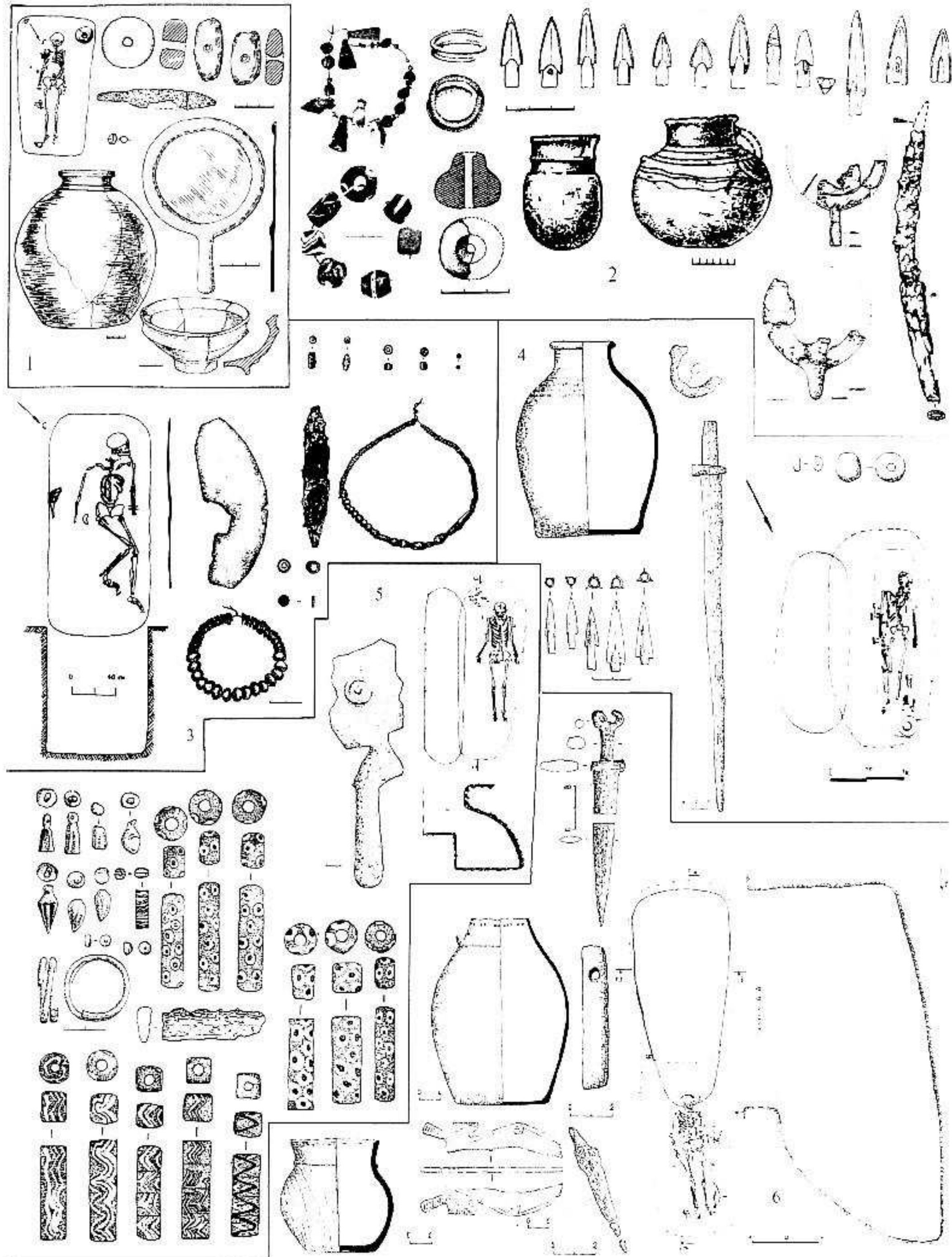

Рис. 2

1. Бишунгарово к.11 п.1; 2. Челкар III к.6 п.1; 3. Ново-Калкашево к.2 п.3; 4. II Покровка к.23 п.2; 5. II Покровка к.23 п.5 6. VII Покровка к.1 п.1

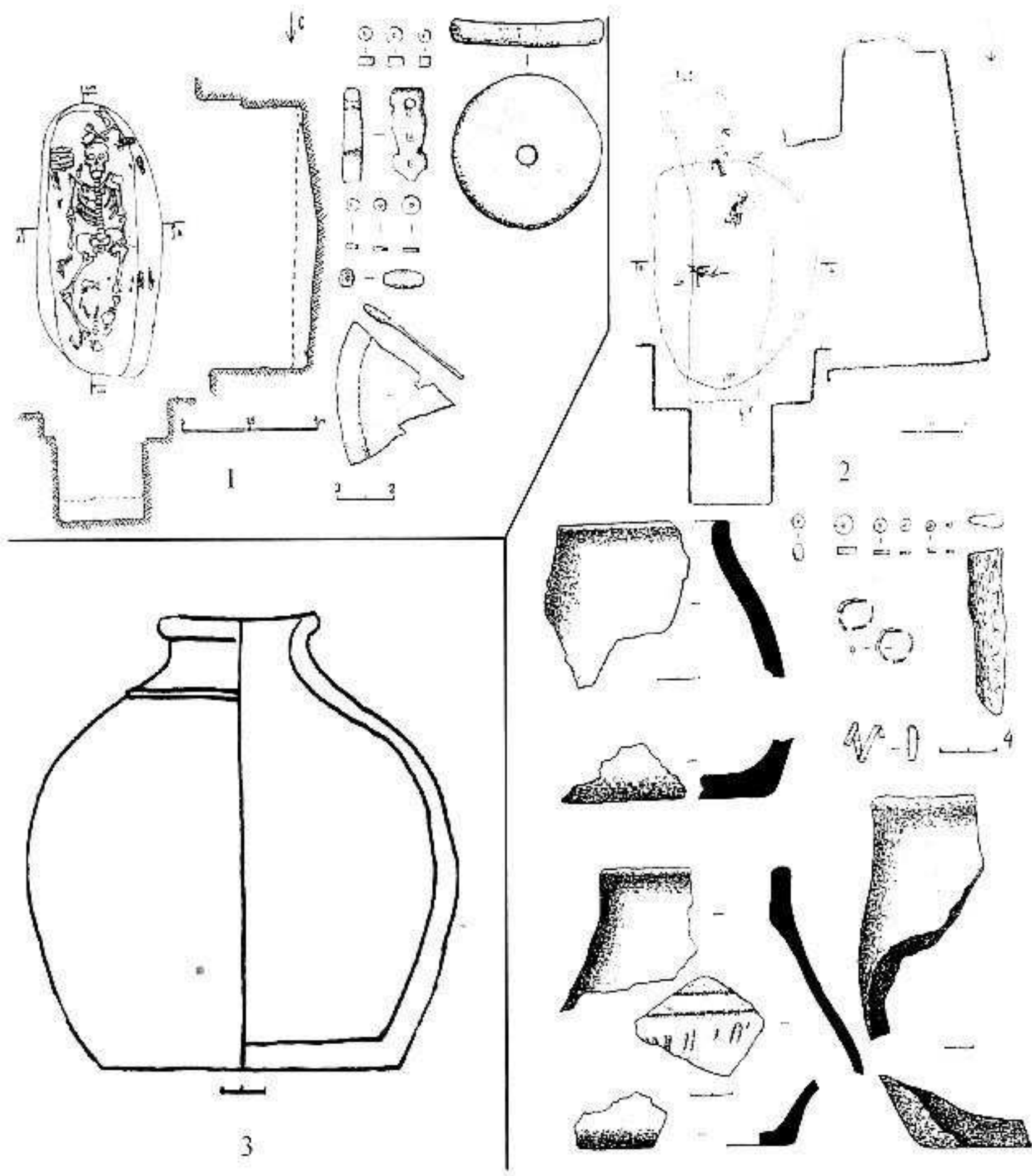

Рис.3 1. VII Покровка к.9 п.5; 2. I Покровка к.6 п.1; 3. Старые Кишки к.XX п.8

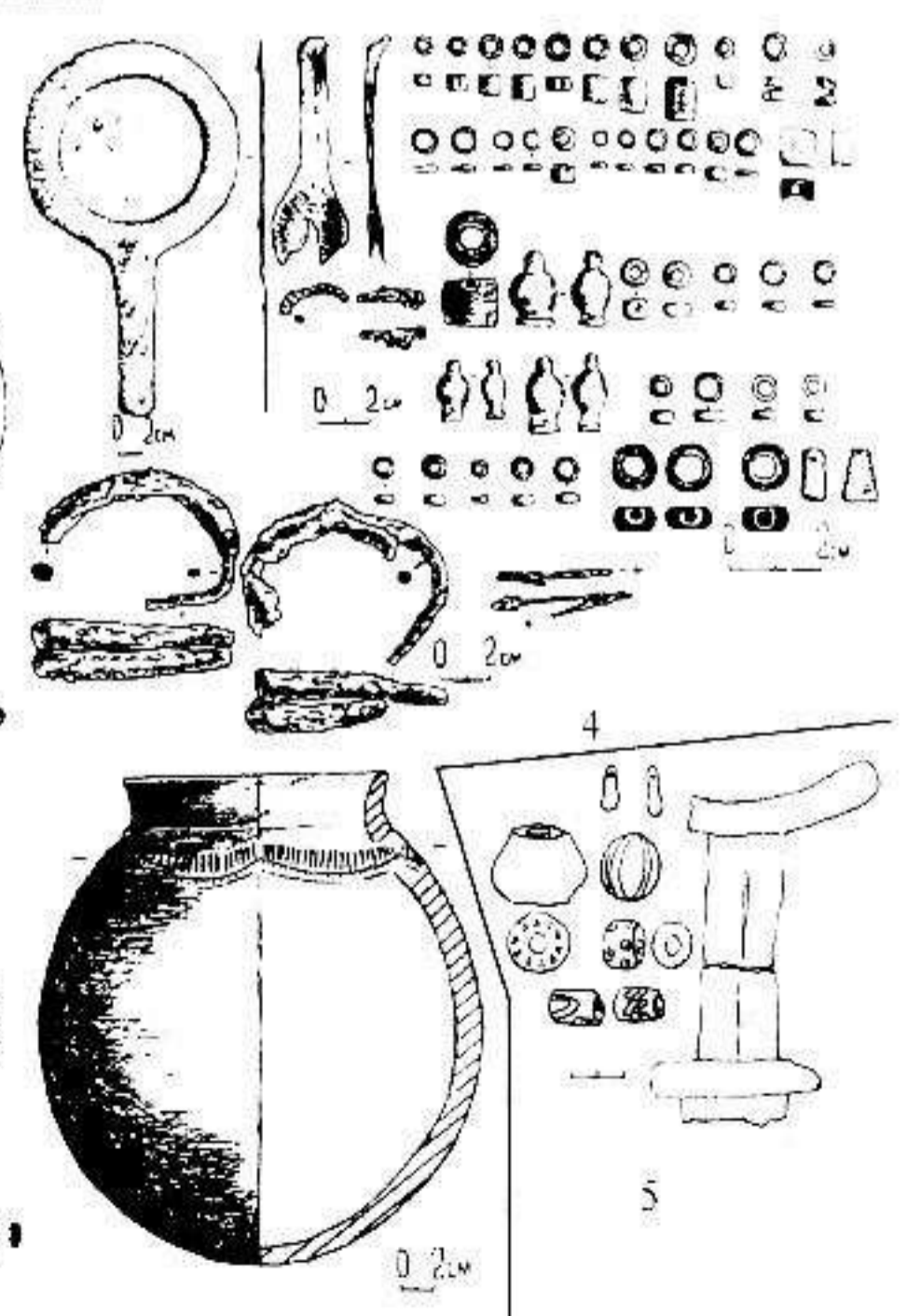
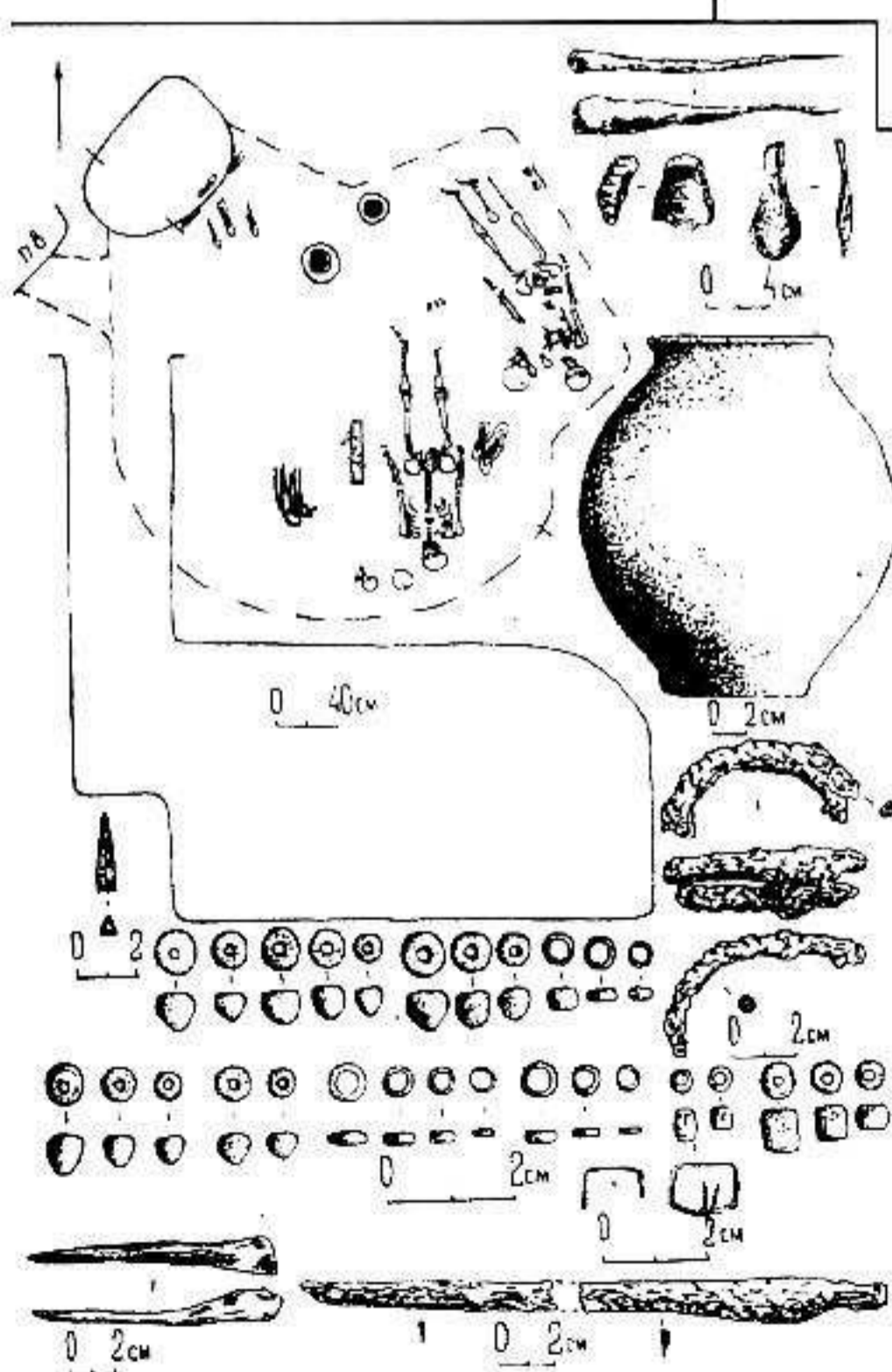
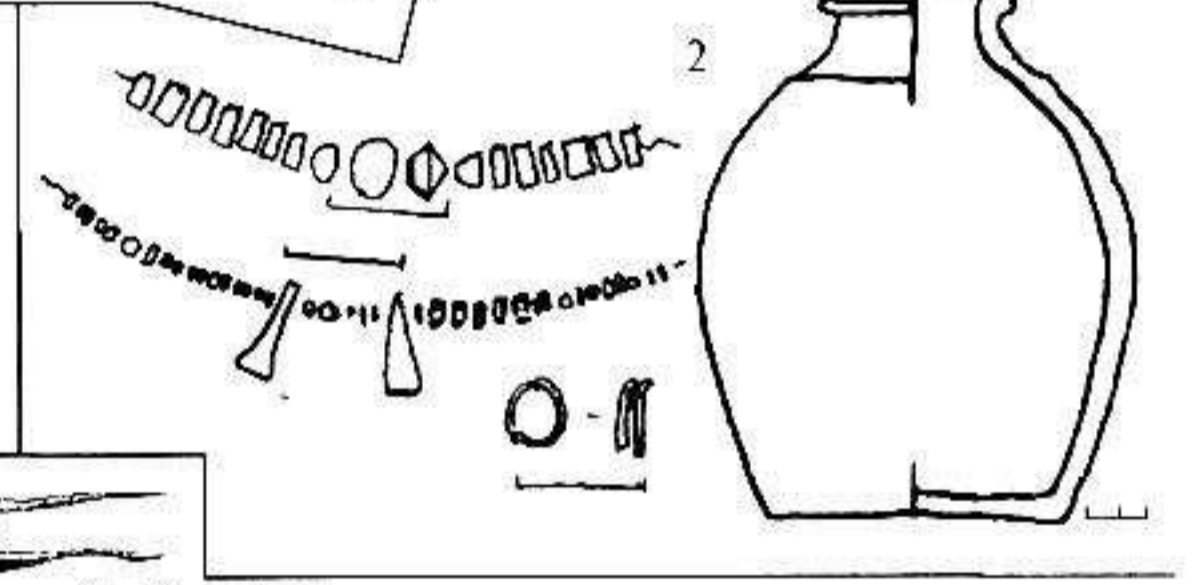
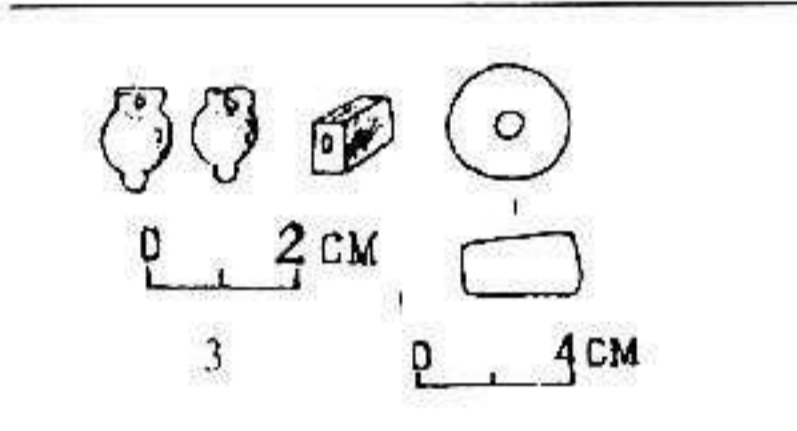
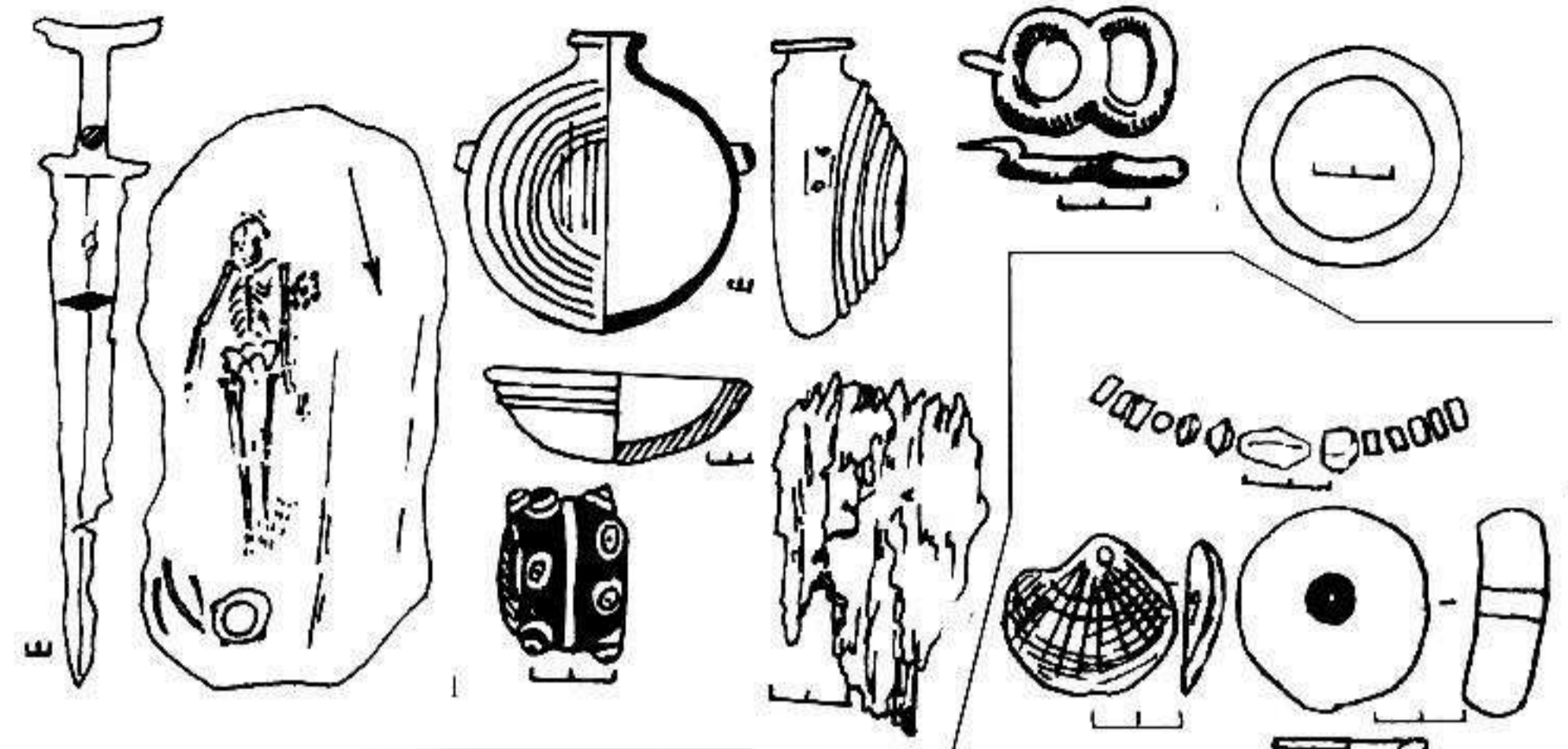

Рис. 4

